

*Посвящается Элисон, любимой коллеге,
неофициальному предводителю
болельщиков и просто классному человеку*

Глава первая

Топая по гравию измученными и усталыми ногами, чтобы хоть немного их согреть, Нина в девяносто пятый раз за десять минут посмотрела на свой телефон и чуть не выронила его из рук. Куда делся Ник, черт его побери? Он уже опаздывал на четверть часа, и ее пальцы были готовы отломиться, что лишь усиливало овладевшее ею чувство бедствования. Здесь, у черного входа на кухни, на служебной парковке, где она стояла теперь, негде было укрыться от промозглого ветра, со свистом налегавшего на каменный особняк, и, уж конечно, от мрачных мыслей в ее голове.

— Нина, привет, ты уверена, что тебя не надо подвезти? — спросила Марчела, одна из официанток, — говорила она с сильным акцентом. Она опустила окно, сдавая задом с одного из парковочных мест.

— Нет. — Нина отрицательно покачала головой. — Все в порядке, спасибо. За мной едет брат. — Или уже лучше ему не ехать. Нине хотелось бы сидеть сейчас в этом маленьком запотевшем автомобиле с Марчелой и двумя другими коллегами, и она чуть не рассмеялась, подумав об этой довольно противной иронии. Мать настояла, чтобы Ник забрал ее, и она была бы спокойна, зная, что дочка в безопасности. А дочка стояла тут на парковке в полной темноте и через секунды должна была остаться еще и в полном одиночестве.

— Ну, как хочешь. Увидимся через восемь недель.

— Ха! — прозвучал с заднего сиденья мрачный голос, говоривший с восточноевропейским акцентом — Томас, сомелье, круглогодичный пессимист. — Неужели ты и вправду думаешь, строители закончат в срок?

Добродушно настроенный хор голосов заглушил его.

— До скорой встречи, Нина.

Они все замахали, прокричали слова прощания, Марчела еще поднимала окно, когда древний «Поло» с ревом сорвался с места, словно Марчела, сидевшая за рулем, не могла дождаться конца своей смены и возможности лечь и поднять ноги повыше. Именно это надеялась сделать и Нина, если ее брат когда-нибудь доберется сюда.

Наконец она увидела свет фар машины, направляющейся в ее сторону по подъездной дорожке. Это наверняка был Ник. Почти все остальные уже уехали. Сделав резкий разворот под громкий хруст гравия, машина остановилась перед Ниной.

Она рванула дверь.

— Привет, сестренка. Давно ждешь? Извини, несчастный случай с овцой.

— Давно, — отрубила Нина; она забралась в машину, благодарная за тепло в салоне. — На улице такой зверский колотун. Как я буду рада, когда мою машину отремонтируют.

— Расскажи мне про свою машину. Я сам так замерз, всю дорогу к тебе оттаивал. Там, понимаешь, ягненок застрял в сеточной ограде вдоль дороги. Мне пришлось остановиться и помочь этому дурацкому животному выпутаться.

Глупо, наверно, было думать, что у овечки в холодный февральский вечер есть по крайней мере отличная густая шерсть, тогда как на ней юбка и колготки.

— Так как там прошло? Я имею в виду вчерашний вечер, — сказал Ник. Он чуть наклонился вперед и выключил

чил радио, которое орало на полную мощность, — шел репортаж с футбольного матча. — Хорошо проводили твою напарницу?

— Отлично. Грустно немного — мы ведь теперь не увидимся, пока реновация не закончится. А все это время Сьюки будет в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке? Крутые перемены.

— Она блестящий шеф-повар. Ездит повсюду.

— Ну, я уже понял. В Нью-Йорк. А что делают все остальные?

— Штатный состав передислоцируется и проходит переподготовку.

— Мне это кажется немного несправедливым. А почему не ты?

— Наверно, потому, что у меня временный контракт.

— Слушай, мы тебе точно сможем найти несколько дополнительных часов в фермерском магазине и еще в кафе. А Дэн организует тебе подработку в пивоварне. Думаю, сестра Гейли сможет платить тебе, если будешь сидеть с детьми, а у Джорджа наверняка найдется работа на бензоколонке, им всегда нужен дополнительный персонал. Правда, в ночные смены, так что, наверно, тебя это не устроит.

Нина закрыла глаза. Она была абсолютно уверена, что, нравится ей это или нет, каждый человек в семье внесет свою лепту в поиски работы для «бедной Нины», пока ресторан «Боденброк Мейнок» закрыт на реновацию. Нет, она не была неблагодарной, они все желали ей добра, но она уже выросла и вполне сама могла найти себе работу, не используя бесчисленные семейные щупальца, готовые ради нее протянуться во все стороны. Она любила свою семью до потери сознания, правда, но...

— А как насчет демонстрации неодобрения? — спросил Ник, поворачивая к ней голову.

— Никак, — сказала Нина, закрывая глаза. — Боже, как я устала. Ноги болят так, словно по ним сто слонов прошлись.

— Слабачка, — поддразнил ее Ник.

— Я на ногах с девяти утра, — сказала она. — А ресторан был набит под завязку. Даже ланч некогда было съесть.

— Так не годится. Ты должна была сказать что-нибудь.

— Не так-то все просто. Все заняты. На настоящий перерыв и времени-то не было.

— Только не говори мне, что ты сегодня ничего не ела.

Нина пожалала плечами. Она, к ужасу матери, выбежала из дома, не позавтракав.

— Если и поела, то чуть-чуть.

В животе у нее совсем некстати заурчало именно в этот момент, словно ставя под сомнение ее ответ. Ее живот явно не соглашался, что рогалика и ломтика сыра достаточно на весь день.

Ник насупился.

— И все же. Хочешь, я поговорю с вашим менеджером, когда ресторан откроется заново?

— Нет, у меня все в порядке. Мы пообедаем дома.

— Но это...

— Ты там не работаешь, а потому не можешь понять. — Голос Нины от возбуждения зазвучал громче. Типичный Ник: вечно думает, что он точно знает, как лучше.

— Мне не нужно понимать. Есть закон о труде. Тебе полагаются перерывы. Это...

Его речь очень вовремя прервал фанфарный рингтон телефона, вырвавшийся через динамики его беспроводной голосовой связи.

— Ник Хадли, — сказал он, нажав кнопку «принять вызов» на панели управления.

Нина откинулась на спинку своего кресла, благодарная за это вмешательство, которое давало ей идеальную возможность закрыть глаза, отключиться и до самого дома делать вид, что она дремлет.

— Привет, Паст, как там носки?

Нина напряглась. Все ее сухожилия при звуке этого знакомого насмешливого голоса защелкнулись на своих местах. Друзья часто называли ее брата Паст — укороченное от «пастух», их, казалось, зациклило на детской версии рождественской песни «Пока по ночам пастухи стирали носки».

— Все в порядке. Как твои дела, Головорез? Все еще выступаешь за этих говнюков, которые выдают себя за регбийную команду?

Головорез — явно было не самым удачным прозвищем для шеф-повара. Высокомерный, Презрительный, если уж на то пошло, были бы лучше.

— Не говори ничего, приятель. Они были полными олухами против Франции. А я заплатил за билеты немалые деньги.

— Ты что — ездил на «Стад де Франс»?¹ Ишь ты, удачливый говнюк.

— Не такой уж удачливый, раз эти засранцы проиграли.

— А представь-ка поездку на Калькуттский кубок?² Ты же не хочешь надолго осесть во Франции. Там к тебе могут прилипнуть дурные привычки.

— Тут есть маленькая проблемка.

¹ Stad de France (фр.) — «Стадион Франции», стадион в Париже, построенный специально к чемпионату мира по футболу 1998 года во Франции. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² К а л ь к у т т с к и й к у б о к — трофей, присуждаемый победителю регбийного матча между командами Англии и Шотландии.

— Какая? — спросил Ник.

— Я прикован к постели. Поэтому-то и звоню.

Нина сжала губы — кто-то, возможно, назвал бы появившееся на ее лице выражение саркастической улыбкой. Себастьян явно не подозревал, что она слышит их разговор, да Нина и не хотела, чтобы он знал. Послушать их дурацкий диалог, так никто бы и не догадался, что это общаются двое взрослых мужчин, а не пара подростков, хотя такое предположение было бы вполне логично. Она определенно не хотела вспоминать о Себастьяне-подростке или о том, как она из-за него выставила себя полной идиоткой. К несчастью, подростковая любовь к лучшему другу брата, вероятно, худшее, что может случиться в жизни, потому что даже сейчас, десять лет спустя, кто-то в семье время от времени возвращался к этой теме.

— Что случилось?

— Стоило мне выйти за дверь, как я сломал ногу.

— Черт побери, старик. Когда это случилось?

— Дня два назад. На меня свалился один из этих дурацких чемоданов на колесиках. Я упал, а нога в этот момент подвернулась.

— Боже ты мой. А как твой бизнес — в порядке?

— Нет, — прорычал Себастьян. — Всюду полная жопа. Одно из новых мест, которые я прикупил в Париже, оказалось котом в мешке. Предыдущий владелец вел курсы по изготовлению кондитерских изделий и забыл мне сказать, что заключил договор на семинедельный курс, по этому договору уже все расписано и оплачено.

— А отменить сделку ты не можешь? — спросил Ник, включая поворотник и сворачивая с главной дороги на восторостепенную, ведущую в деревню.

— К сожалению, я уже принял на себя обязательства. Думал, все будет в порядке, потому что я могу поручить

моим подрядчикам начать работы на двух других местах, а на это уйдет пара месяцев, так что дела вполне могли бы идти нормально. И все бы ничего, если бы я не сломал эту чертову ногу.

Нина сжала губы. Обычно она никому не желала несчастий, но Себастьян действовал на нее, как красный цвет на быка. Нет, она злилась не на его успехи, видит бог, он как проклятый спину гнул, чтобы стать шеф-поваром его собственной маленькой сети ресторанов. Слишком уж гнул, на ее взгляд. Нет, дело было в этом его надменном превосходстве. Каждый раз, когда она сталкивалась с ним на протяжении этих десяти лет, неизменно оказывалась в проигрышном положении. А последний раз был просто унижительный.

— А кого-нибудь найти на эту работу ты не можешь?

— Вряд ли можно кого-то найти за такие короткие сроки. Курсы начинаются на следующей неделе. К тому же на следующие несколько недель мне не нужно ничего, кроме пары свободных ног. Пока с меня не снимут гипс.

— Слушай, Нина могла бы тебе помочь. Ее отправили в отпуск.

Нина выпрямилась на сиденье, вонзившись прищуренным взглядом в своего невероятно глупого братца. У него что — мозги отшибло или что? Почувствовав движение в машине, Ник повернул голову, и она увидела блеск его зубов в темноте — он улыбался ей во весь рот.

— При всем уважении, Ник, твоя сестра — последний человек в мире, которого я бы взял себе в помощники.

Ухмылка Ника потемнела. В машине наступило продолжительное молчание.

Потом Себастьян пробормотал:

Джули Кэплин

— О, черт побери, она там, рядом с тобой, да?
Нина с ледяной улыбкой распрямила плечи.

— Вот уж воистину «черт побери». При всем моем уважении, Себастьян, я бы предпочла кастрировать овец зубами на ферме, чем помогать тебе.

С этими словами она наклонилась, ткнула пальцем в панель управления и отключила телефон.

Глава вторая

Семейная кухня была настоящим ульем — тут все работало, ее мать носилась из угла в угол, надев перчатки-прихватки с цветочным рисунком, большой кухонный стол был накрыт на восьмерых, а на большой плите что-то шипело и пузырилось в сковородах.

— Нина, Ник. Как раз вовремя.

— Ух, как вкусно пахнет, — сказал Ник, бросая ключи от машины на комод к другому разнообразномухламу, который, казалось, накапливался там за один день, сколько бы их мать ни наводила там порядок. Хотя все четверо ее взрослых сыновей в той или иной степени покинули дом, они продолжали считать кухню своей собственностью, что приводило в восторг мать Нины. Ни один из ее отпрысков не заплутал где-нибудь вдали от дома. Ник, который был на два года старше Нины, жил в коттедже по соседству и помогал отцу в работе на ферме и с овцами. Он еще вел холостяцкую жизнь и, казалось, не спешил найти себе жену, а проводил время, испытывая потенциальных кандидатов.

— Садитесь. Наверняка с голоду помираете. А где Дэн и Гейл? Они сказали, что будут пять минут назад.

— Ма, это же Дэн. Он гарантированно опоздает на собственные похороны, — сказал Ник, наскоро чмокая ее в щеку и одновременно снимая шарф.

— Не говори так, — сказала она, вздрогнув. — Они сегодня были заняты в пивоварне и в магазине на ферме. Целый автобус приехал из Северного Уэльса. Бедняжка Кэт.

Линда, мать Нины, сочувственно посмотрела на невестку Нины, ссутулившуюся в конце стола над пустой чашкой кофе. Кэт, которая вышла замуж за их второго по старшинству брата Джонатона, одного из близнецов, подняла светловолосую голову и едва заметным движением безнадежно помахала ей.

— Дурдом какой-то. У нас кончились сконы¹, и кофе, и ореховое печенье. Не, честно, эти пенсионеры, они как саранча. Можно подумать, что они месяц толком не ели. Всё смели — шкафы пустые.

Мать улыбнулась Нине обеспокоенной полуулыбкой.

Нина застонала, стягивая с себя пальто.

— Не переживай, как только я поем, то быстренько приготовлю тебе партию сконов и торт. А сливочный крем сделаю завтра утром.

— Ах, дорогая, ты сама только что с работы и, наверно, устала. Уверена, Кэт сможет денек перебиться.

Нина успела разглядеть, как Кэт закатила глаза.

— Ма, это не отнимет много времени.

— Ну, если ты уверена, дорогая.

Слава богу, через пять минут ее старший — на пять минут опередивший Джонатона — брат Дэн влетел в кухню, таща за руку свою жену Гейл. Дверь распахнулась на петлях до упора, когда, хихикая, появилась эта парочка.

¹ Сконы — традиционная английская и шотландская выпечка к чаю.

— Привет, народ, любимое дитя пришло, — загремел Дэн. Его жена легонько ударила мужа кулаком по ребрам.

Внезапно шум в кухне десятикратно усилился, и из коридора появился ее отец, заскрежетали на плиточном полу стулья, зазвенели пивные бутылки, когда из холодильника извлекли несколько штук, быстро сорвали с них крышечки, которые со стуком ударялись о кухонный стол, а отец принялся работать штопором, и вскоре раздался приятный для уха хлопок — пробка была извлечена из горлышка бутылки красного вина. Они привычно расселись по своим местам, и за столом пошли разговоры на самые разные темы. Нина проскользнула на свое место рядом с матерью во главе стола.

— Ты уверена, что сможешь приготовить торты? Я могу встать пораньше и сделать партию сконов, чтобы помочь Кэт.

— Ма, нет проблем, честно. — Она перехватила взгляд невестки, увидела, как Гейл подмигнула ей. — После обеда у меня открывается второе дыхание. — Да и речь-то шла всего о паре тортов, было бы о чем говорить. К тому же это даст ей удобный предлог скрыться от обычного бедлама, провести время в тишине и спокойствии в своем собственном маленьком жилище над старым конюшненным блоком, где никто не будет донимать ее разговорами о том, что она до сих пор не нашла себе спутника жизни.

Ее мать сжала губы и переключила внимание на запеканку, стоящую на столе.

— Джонатон, ты накапал уже повсюду с этой ложки.

— Ах, Джонатон! — поддакнул Дэн, не упуская возможности поддразнить своего близнеца. Остальной мужской контингент присоединился к Дэну.

— Дэн, тебе, конечно, хотелось бы побольше?

— Посмотрите на него, любимое чадо. — Джонатон показал ложкой на брата, но получил немедленную нахлобучку от жены.

Как и всегда, это напоминало время кормежки в зоопарке, но Нина испытывала облегчение: внимание всех присутствующих переключилось с нее на братьев. Она умудрялась оставаться незамеченной, пока с большого блюда на столе не соскребли остатки запеканки под препирательства Дэна и Джонатона, которые никак не могли поделить между собой последний кусочек ягнятины.

— Так что происходит с этой твоей машиной, красотиля? — спросил у нее отец.

— Все еще в мастерской. Не могли найти какую-то деталь, надеются, что завтра привезут.

— Чтобы отремонтировать это железо, потребуется больше одной детали. — Ее мать поежилась. — Это смертельная ловушка.

Нина пробормотала что-то себе под нос, но никто ее не слышал, потому что все они уже высказали свое мнение о ее машине. С маленьким «Фиатом» Нины все было в полном порядке.

— Ма, ты за Нину в этой ее штуке не беспокойся, она не может так быстро крутить педали, чтобы попасть в какую-то передрагу, — поддел ее Ник.

— У швейной машинки мощи больше, — подколот Дэн.

— Мне очень хочется, чтобы ты обзавелась чем-нибудь понадежнее. Боюсь, крупные машины тебя просто сплющат.

— Ма, ты можешь не беспокоиться. Грузовик Ника проедет над ее машинкой и даже не заденет.

Дэн, выигравший сражение за кусочек ягнятины, со звоном бросил на тарелку вилку и нож.

Мать снова поежилась.

— А это и того хуже.

— Оставьте меня в покое, мне нравится моя машина, — сказала Нина. Ей отчаянно не хватало ее «фиатика» — без него она попала в полную зависимость от всех, кто мог ее подвезти.

— Жена Тома из паба продает свою машину. Могу посмотреть, в каком она состоянии, если хочешь, — сказал отец. — У нее «Форд». Это хорошие, надежные машины. И эксплуатация недорогая.

«И адски унылые», — подумала Нина.

— Хорошая мысль, дорогой, — добавила мать. Нина хотела сказать что-нибудь спокойное и разумное типа: «Поскольку я собираюсь заплатить за ремонт, сейчас, вероятно, не самое подходящее время думать о другой машине», но она уже наелась их советами — все они считали, уж они-то знают, что для нее лучше всего. Нет, правда, они все относились к ней, как к ребенку. А потому она вскочила на ноги, оглядела сердитым взглядом сидящих за столом и проорала:

— Мне нравится моя машина такой, какая она есть, огромное всем спасибо!

Потом она схватила свою куртку и вылетела через заднюю дверь в свое жилище.

Захлопнув за собой дверь, она с удовольствием прислушалась к потрясенной тишине, воцарившейся за столом.

Пока четыре бисквита охлаждались на поддоне, в ее дверь тихонько постучали, и Нина сразу поняла, что это Ник. Хотя сегодня за обедом он больше всех донимал ее, он был самым заботливым из всех ее братьев. Какая-то ее часть хотела проигнорировать этот стук и сделать вид, что она уже в кровати, но Нина знала, что такая несвой-

ственная для нее вспышка уже вызвала переполох, и если она не отзовется, брат продолжит стучать.

— Да? — Она приоткрыла дверь на два-три дюйма, давая понять, что сейчас ей не нужна компания.

— Просто хотел проверить, что ты в порядке.

В его бодрой улыбке чувствовалась какая-то натянутость.

Она, испытывая чувство вины, открыла дверь шире.

— Я в полном порядке.

— В полном порядке? — Он шагнул в ее квартирку-студию и закрыл за собой дверь.

— Да, в полном порядке. — Она вздохнула. — Хочешь чашку чая или чего-нибудь?

Он насмешливо вскинул бровь.

— Чего-нибудь? Ты тут не припрятала глоток бренди или виски, о котором я ничего не знаю?

— Да бога ради, какое это имеет значение, если и припрятала? — Она уже давно не в том возрасте, когда каждый считает нужным подтрунивать над тобой, и ее ничуть не волновало, если ее раздражение прорывается наружу. — На тот случай, если ты еще не заметил: я взрослая женщина. Это была фигура речи. Ты испытываешь облегчение, узнав, что в моих скорбных шкафах не припрятано ничего, кроме двух коробочек чая «Пи-джи Типс».

— Слушай, сегодня утром кто-то встал не с той ноги. Или все дело в том телефонном звонке?

Ник сложил руки на груди и прислонился к стене.

— Это абсолютно никак не связано с твоим гребаным Себастьяном Финлеем. Я устала оттого, что вся семья относится ко мне, как к маленькому ребенку. Мне почти тридцать, ё... — Она замолчала на полуслове, увидев, что он нахмурился. Если она бранилась, то он выходил из себя. — Ёлки зеленые. Мама и папа начинают суесться вокруг меня, а потом к ним присоединяются эти

хреновы Джонатон и Дэн. Кэт и Гейл обе считают, что это смешно, когда вы начинаете устраивать гребаную бурю в стакане воды. А ты хуже всех — приходишь и строишь из себя старшего брата. Мне этого не нужно. — Она твердо стояла на своем, сердито глядя на него и сжав в кулаки опущенные по бокам руки. Хотя у нее и возникло искушение припустить по комнате и броситься на диван, но она сдержалась: это походило бы на детскую истерику, а ей нужно было, чтобы Ник знал, что они все сводят ее с ума. Может, ей сегодня чуток тестостерон в голову ударил, может, немного устала, но все это копилось в ней уже несколько месяцев.

— Это только потому, что мы тебя любим, — объяснил Ник.

— Я это понимаю, правда.

— Но?

— Я... Я чувствую... — Проблема, однако, состояла в том, что она не знала, что чувствует. Разочарование. Раздражение. Слабость. Сидение в доме. Толчение воды в ступе. Сьюки, ее подружка с работы, шеф по выпечке, отправилась в Нью-Йорк. Ее карьера шла на взлет. А у Нины и карьеры-то никакой не было, уже не говоря о возможности взлететь. К несчастью, у нее не было опыта, не говоря уже о профессиональной поварской подготовке или дипломе, чтобы подать заявление на место Сьюки. Ник это не смог бы понять, как и остальные члены семейства. Они все были довольны и счастливы, хотя она подозревала: Ник иногда был не прочь оставить ферму и чуточку расширить свои горизонты. Только Тоби оторвался ненадолго от семьи, когда уехал в Бристоль учиться на ветеринара, а теперь вернулся и обосновался всего в каких-то пятидесяти милях от них, хотя этого вполне хватало, чтобы выйти из каждодневной опеки.

— Я знаю: быть самой младшей нелегко, к тому же единственной девочкой, а мама и папа и вправду волнуются, потому что у тебя было довольно трудное начало...

— Не смей об этом говорить! — Нина подняла руку.

— О чем? О том, что ты чуть не родилась мертвой? Но так оно и есть.

Нина закрыла лицо руками.

— Да, и это история. Можно подумать, что я всю свою жизнь на пороге смерти. Кроме аппендицита, простуд, ветрянки, я ничем и не болела по-настоящему.

Ник ничего на это не возразил.

— Что — болела? — домогалась она.

— Нет, — признал он с неохотной улыбкой. — Так ты мне что, не дашь чая или чего-нибудь такого?

— Да бога ради, перестань.

И теперь Нина и в самом деле рванула, как с низкого старта, в пространство кухни, чтобы включить чайник. По правде говоря, она еще не могла отправиться спать, Нина все еще ждала, когда остынут бисквиты, чтобы их можно было соединить со сливочным кремом и орехами.

— Эй. — Она легонько ударила его по костяшкам пальцев чайной ложкой, когда он схватил и быстро надкусил один из ее свежих сконов.

— Ммм, вкуснота.

Нина на скорую руку готовила чай, делая вид, что не замечает брата. В правильной готовке чая было что-то успокаивающее, к тому же она представляла собой хорошую тактику проволочек.

Она принесла чайник, и — ввиду крупных размеров Ника — кружку, и одну из его любимых старинных чашек, и блюдца, поставила все это на небольшой круглый обеденный столик слева от кухонной зоны. Единое жилое пространство было идеальным для одного обитателя, и она намеренно свела число мест за столиком

до минимума. Это была ее норка, и она позаботилась о том, чтобы эта квартирка отвечала ее представлениям о прекрасном. Нина выкрасила стены в пастельные тона, купила хорошенькую, изящную ткань с цветочным рисунком для занавесок и подушек, чтобы ее квартира имела определенную женскую ауру. То, что всю свою жизнь она провела в окружении четырех парней, определенно повлияло на выбор декора. Выросла она на ферме, где большинство вещей имели практическое применение и отличались прочностью. Цвета здесь никогда не имели значения. Джонатон и Дэн красили стены в своих спальнях в переливающиеся черный и белый цвета, чтобы напомидало об их любимом «Ньюкасл Юнайтед»¹, а других требований к интерьеру у них не было.

— Прошу. — Она подвинула кружку с чаем к брату.

— Так из-за чего вся эта кутерьма? — спросил Ник, выражение его лица смягчилось до сочувственного.

— Да оно все созревало потихоньку. Я чувствовала, что меня как-то заело. Словно я стою на месте и никогда ничего толком не сделаю.

— А что ты хочешь сделать?

Нина погладила пальцем кромку блюда. Глупая это была идея. В конечном счете один раз она там уже побывала и только наломала дров.

Из всех братьев Ник был для нее самым близким. Возможно, потому, что жизнь у обоих не удалась.

— Тебе никогда не хочется уехать отсюда? Жить, ни от кого не завися.

У Ника перекошило рот.

¹ «Ньюкасл Юнайтед» — английский профессиональный футбольный клуб из города Ньюкасл-на-Тайне. Цвета клуба — черный и белый.

— Очень редко, но я все же задумываюсь, не пропустил ли я что-нибудь. Жизнь внутри нашей семейки нельзя назвать легкой. Но я люблю фермерствовать, и вряд ли у меня получится сорваться с места и забрать с собой ферму. А потом я забираюсь на вершину холма и смотрю вниз на долину, обвожу взглядом кривую каменных стен, которые простояли здесь много веков, и чувствую, что это место мое. В этом есть преемственность.

Нина посмотрела на него снизу вверх и кротко улыбнулась. Он всегда был ее героем, хотя она не собиралась сообщать ему об этом. Он и без этого иногда задирает нос. Потому что, несмотря на все его мальчишеские речи и подкалывания, Ник был доброй душой и знал свое место в мире.

Нина вздохнула, не желая показаться неблагодарной.

— По крайней мере, от тебя есть польза. У тебя есть нормальная цель в жизни и нормальная работа.

— А чем ты хочешь заниматься?

Она скорчила гримасу и снова принялась гладить кромку блюда.

— Уехать на какое-то время. Стать самой собой. Разобраться, кто я на самом деле.

Ник сконфуженно нахмурился.

— Я сейчас не использовала слова на букву «ё», потому что знала, ты этого не одобришь.

Вид у него стал еще более сконфуженный.

— У меня такое чувство, будто я толку воду в ступе. Я хочу... я хочу готовить, как полагается, а не просто делать печенюшки и всякие штучки-дрючки.

— Ты хочешь быть шефом? Но ты уже пробовала. — Он ткнул в нее пальцем. — Ты же не забыла эту историю с сырым мясом. Нервный срыв, паническая атака. Тебя еще и вырвало, кажется?

Уютная кондитерская в Париже

— Спасибо, что напомнил, но знаешь, чего я тогда не понимала? Не понимала я, что есть такие специализации, которые позволяют уйти от работы с сырым мясом. Я могла бы работать шефом по выпечке. Сьюки, которая уехала в Нью-Йорк, она совершенно удивительная. Была. Это она меня вдохновила. Посмотрел бы ты, какие штуки она делала. Я... Я... — Нина замолчала. Она пробовала печь кое-что дома с переменным успехом. На работе было трудно тратить время на наблюдения за коллегами, когда она должна была обслуживать столики, хотя Сьюки не возражала, если Нина была поблизости. Ей требовалась профессиональная подготовка. Конечно, ей требовались курсы по выпечке.

С того самого момента, как она услышала голос Себастьяна в машине, ее мысли все время возвращались к его словам о том, что он собирается вести курсы по выпечке. Ему требовались ноги. У нее было шесть свободных недель, ну, почти шесть. А мама и Кэт наверняка смогут найти кого-нибудь другого, кто попек бы им несколько недель печенье.

Это был самый-самый счастливый случай, какой ей когда-либо подворачивался. Она была бы душой, если бы не воспользовалась им. И Нина не сомневалась, что случай именно таким и станет — счастливым, даже несмотря на Себастьяна. Ей представлялась идеальная возможность продемонстрировать всем, как равнодушно относится она к кондитерским. Доказать всем, что она наконец-то нашла свое призвание.

- Ты поговоришь с ним обо мне?
- С кем? — недоуменно спросил Ник.
- С Себастьяном.

Глава третья

Когда Нина сошла с поезда на парижском вокзале Гардю-Нор¹, думая о том, как это замечательно и удивительно, что она теперь в другой стране, что она со свистом промчалась под каналом, ей захотелось ущипнуть себя. Всего два часа назад она была на вокзале Сент-Панкрас в Лондоне, и вот она уже в Париже. В веселом Париже. Она сама себе хозяйка. Семья осталась дома. Она словно скинула с себя тяжеленное пуховое одеяло, которое грозило ее удушить. Даже когда Нина садилась в машину с отцом, который отвез ее на вокзал, мать сунула ей пачку евро в руку и пробормотала: «Это тебе на такси, когда доберешься. Чтобы тебе не таскаться в метро со всеми сумками».

А потом то же самое сделал и отец, высаживая ее на вокзале. Дай бог здоровья им обоим. Она не была неблагодарной, но правда же! Она вполне могла добраться до вокзала и сама. На метро.

Хотя она всю дорогу в «Евростаре»² слушала приложение, обучающее французскому, ее немного разочаровало

¹ Северный вокзал (Gare du Nord) — один из семи вокзалов Парижа.

² «Евростар» (Eurostar) — компания, занимающаяся высокоскоростными железнодорожными пассажирскими перевозками в Европе. Поезда компании, в частности, соединяют Лондон с Парижем, пересекая Ла-Манш по Евротоннелю.

то, что она не смогла понять ни одной фразы на французском, когда в нее, словно автоматной очередью, со скоростью тысяча слов в секунду «выстрелил» человек за стойкой информации. К сожалению, он был исполнен решимости не говорить ни слова по-английски, и единственное слово, на котором они сумели остановиться, было «такси». Маловато для ее первой самостоятельной вылазки! Ну, по крайней мере, мама с папой будут довольны.

* * *

Такси привезло ее на широкий бульвар, высаженный деревьями, в тени которых расположились маленькие кафе с их выносными столиками и стульями. По сторонам улицы стояли пяти-шестиэтажные здания, тянущиеся вдоль всей дороги, у всех окон были такие хорошенькие балкончики из кованого железа, а внушительные парадные деревянные двери располагались на одинаковом расстоянии друг от друга.

Несмотря на старинные каменные стены и тяжелую деревянную отделку, двери открывались через домофон, и Нина вскоре оказалась в строгом холле с плиточным полом и узкой винтовой лестницей. Себастьян поселился в отеле, потому что здесь, в его многоквартирном доме, не было лифта. Нина, вздохнув, посмотрела вверх на лестницу. Как, черт побери, она потащит здоровенный чемодан, тяжелую хозяйственную сумку и свою сумочку на верхний этаж? *Вот она — независимость. Не забывай: ты сама ее хотела.* Но Нина все же оглянулась в надежде, что вдруг кто-нибудь возникнет ниоткуда и поможет ей. Но в отличие от кинофильмов, никакой прекрасный рыцарь не явился ей и не предложил помощь. Раздосадованно заставив, Нина надела сумочку на шею, повесила на плечо хозяйственную, взяла чемодан и пошла.

Следуя отправленным по телефону инструкциям Себастьяна, Нина позвонила в квартиру 44В и не успела убрать палец с кнопки, как дверь распахнулась, и Нина отпрыгнула от неожиданности.

В раскрывшемся проеме двери она увидела стройную женщину. Ее абсолютно прямые светлые волосы, собранные сзади в аккуратный хвостик, обрамляли лицо, подчеркивая высокие скулы и твердый подбородок. Она могла бы написать книгу о классической изысканности и выскомерном хладнокровии, излучаемых ее безразличным выражением лица, лощеными туфлями с заостренными носками, широкими брюками кремового цвета и шелковой светло-голубой блузочкой с высокой шеей — все это бросило Нину в жар и в пот.

— Bonjour, je suis Nina. Je suis ici pour les clés de Sebastian¹.

Она в отчаянии пробормотала эти слова, и, судя по быстро скрытой улыбке на лице этой элегантной женщины, попытка Нины была не из самых удачных.

— Бонжур, Нина. Я слышала, как вы поднимались с самого первого этажа. — Нина почувствовала неодобрительную нотку в словах женщины. — Меня зовут Валери дю... — Фамилию Нина не разобрала. Валери говорила так, будто глотала все слоги подряд. — Вот ключи. Она вытянула руку с ключами, и на лице у нее появилось царственное выражение, которое говорило: «Держись от пейзажа на расстоянии». — Когда увидите Себастьяна, передайте ему мои наилучшие пожелания. — Ее безупречный английский и очень сексуальное произношение усилили в Нине ощущение собственной простоты и неумности с дороги. — Мне его будет не хватать, мы отлично

¹ Добрый день. Меня зовут Нина. Я пришла за ключами от квартиры Себастьяна (*фр.*).

Уютная кондитерская в Париже

проводили время, — добавила Валери, сопроводив свои слова осведомленным, бесстыжим взглядом.

Нина сглотнула слюну.

— Передам, спасибо.

Валери, которая, судя по ее виду, была не меньше чем на пятнадцать лет старше Себастьяна, бесшумно закрыла за собой дверь.

«Добро пожаловать в Париж, — пробормотала себе под нос Нина. — Надеюсь, вы хорошо провели время в пути. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, обращайтесь ко мне — вы ведь в чужой квартире, в незнакомом городе и ни души здесь не знаете».

* * *

Нина с трудом протиснулась через дверь, таща за собой чемодан, и в этот момент звякнул ее телефон.

«Думаю, ты уже добралась. Мне нужно, чтобы ты принесла мне кое-что в отель из моей квартиры. Позвони мне, и я тебе расскажу, что надо взять. Если ты придешь, мы сможем поговорить о том, что от тебя требуется. Предлагаю встретиться около трех. Себастьян».

Она немного расстроилась, прочтя чисто деловой текст. Неужели он не мог дать ей какое-то время? Она в Париже меньше часа и понятия не имеет, как отсюда попасть в отель. В данный момент ее приоритет — чайник, кофе и поискать еду в кухонном шкафу. Мог бы, по крайней мере, дать ей возможность устроиться.

* * *

Себастьян просто свихнулся со своим педантизмом, решила Нина, стаскивая со шкафа в коридоре чемодан на колесиках. Ей, конечно, будет легче доставить ему то,

что он просит, в таком чемодане, а не в полотняной сумке, о которой он ей сказал. Чемодан на колесиках, походивший на огромного серебряного жука с защелками на боках, тащить будет гораздо легче, чем нести сумку.

После короткого разговора, во время которого он назвал ей адрес отеля, Нина записала, что ему принести. Прежде всего ноутбук и бумаги, которые она собрала на столике перед диваном. Потом она перешла в спальню. Пять рубашек, как он просил, сложенные, упакованные, пакет с туалетными принадлежностями, которые она собрала в ванной на туалетном столике, включая лосьон после бритья «Том Форд», о котором он отдельно упомянул, и нет: она не стала, как сделала бы это девчонкой, нюхать лосьон, хотя ей и было интересно узнать, как он пахнет. Потом нижнее. Она нерешительно выдвинула верхний ящик. Да, ящик с нижним бельем. Она могла бы догадаться, что его стиль — джерсовые боксерки. Причем «Кельвин Кляйн», а не «Маркс энд Спэнсер». Нина не то чтобы видела много мужского нижнего белья, но... это показалось ей чем-то слишком уж личным. Представлять себе Себастьяна в этих трусах. Нет, это уж слишком. Он ей вообще никто. Так, друг Ника. Когда тот был глупым мальчишкой. Она его всегда знала. Нина сказала себе: «Делай, что попросили, и перестань быть дурой». Она схватила грудку трусов и почувствовала в них картонную коробку. Черт. Это уже совсем другие игрушки. Морщась от этой двойной двусмысленности, она посмотрела на коробку. Презервативы. Упаковка на двенадцать штук. Ультратонкие. Коробка вскрыта.

Не заглядывай внутрь. Не делай этого.

Она рухнула на кровать.

Четырех нет. Себастьян. Занимался сексом. Занимается сексом. Занимается сексом!

И ее это абсолютно, категорически не интересовало. Не имело к ней никакого отношения. Она не собиралась смотреть, когда ими пользовались по дате на них. И не было никакого разумного основания для ее сердца предаваться этому глупому, дурацкому, нелепому, щемящему чувству.

Себастьян был привлекательный парень. Это не государственная тайна. Конечно, у него были женщины. Когда она видела его в последний раз, у него была подруга. И когда перед этим видела. Тогда была другая. Да, подруги у него были. Она это знала. Никакой это не сюрприз, и ей все это совершенно безразлично.

Вот черт. Так что же ей с этим делать? Проигнорировать? Сделать вид, что не видела? Но он же знает, что они у него тут лежат. Он будет знать, что она их видела. А может, Себастьян про них и думать забыл. Если она упакует их, то это будет означать, что ей абсолютно безразлична эта находка. Что она взрослая женщина и относится к таким вещам с пониманием. Хотя если они ему понадобятся, то интересно бы узнать, как он будет маневрировать со сломанной ногой. И откуда у нее вдруг взялась эта мысль? Она поспешила сунуть их в чемодан. Ведь так поступает ответственный человек, верно?

* * *

К несчастью, в метро был какой-то затор, и она опоздала, а когда вышла на улицу, заморосил дождик. А как же иначе, черт бы его драл, потому что без дождя ее идеальная стрижка каре, которая должна была символизировать ее новый, более взрослый имидж, стала немного курчавиться, ее остроносые тубельки на шпильке, демонстрирующие ее парижскую умудренность, убива-

ли ее, а дьявольски дорогие прозрачные колготки оказались забрызганы грязной водой. А еще выяснилось, что названные им пять минут пути до отеля из метро — технически верны при условии, что ты мистер Усэйн Болт¹.

К тому времени, когда она поднялась по лестнице, ведущей к дверям отеля, ковыляя на своих каблуках со всей стремительностью Тони Кертиса² из «Некоторые любят погорячее», было почти пять часов. Швейцар открыл ей дверь, и Нине удалось изобразить едва заметную улыбку, которая тут же пропала с ее лица, когда ее мокрые туфли поскользнулись на одной из плиток. Спасая себя от падения, она пожертвовала чемоданом на колесиках, который, мгновенно раскрывшись, взорвался всеми цветами радуги и тканями. И конечно, эта треклятая коробка с презервативами, вывалившись из чемодана, заскользила по полу и остановилась в дюйме от до блеска отполированных туфель каштанового цвета на ногах высокого темноволосого подобия Грегори Фитусси³.

По закону подлости, он присел, поднял коробочку и протянул ей, отчего она зарделась, как обожженный солнцем помидор.

— Мерси, — пробормотала Нина и улыбнулась ему беззаботной улыбкой, спокойно взяла из его рук коробку, словно такие приключения случаются с ней постоянно

¹ Усэйн Сент-Лео Болт (род. 1986, Ямайка) — ямайский легкоатлет, спринтер, восьмикратный олимпийский чемпион и одиннадцатикратный чемпион мира.

² Тони Кертис (1925–2010) — американский киноактер, сыгравший, в частности, роль Джозефины в фильме «Некоторые любят погорячее» (Some Like it Hot), в советском прокате фильм назывался «В джазе только девушки».

³ Грегори Фитусси (1976) — французский актер, наиболее известный по телевизионным сериалам.

Уютная кондитерская в Париже

и она не придает этому никакого значения, ничуть этим не смущена и не сгорает на медленном огне изнутри.

Мужчина кивнул ей с очаровательной улыбкой, сказал что-то на быстром неразборчивом французском и ушел, обойдя боксерские трусы.

Ощущая, что она в некотором роде стала центром внимания в наполненном людьми вестибюле, хотя никто из них не бросился ей на помощь, Нина поспешно принялась хватать и как придется заталкивать в чемодан разбросанную одежду, потом закрыла его, пригладила волосы и направилась к ресепшену. Себастьян сказал ей, чтобы она назвала портье его имя, и та даст ей ключ от номера.

Одному богу известно, что люди вокруг думали о том, зачем ей нужен чемодан с презервативами и мужской нижней одеждой. Портье смерила ее решительно ледяным взглядом. Все, вероятно, решили, что она — девочка по вызову, что почти соответствовало действительности, так как несколько следующих недель она и правда будет девочкой на побегушках у Себастьяна.

Глава четвертая

Номер Себастьяна на девятом этаже очень удобно располагался рядом с лифтом. Нина громко постучала несколько раз, потом вставила карточку в слот. Три попытки спустя маленький огонек наконец загорелся зеленым светом, и ее сердце забилося с такой силой, что она чуть ли не ощутила дрожание ребер. И это было просто нелепо.

— Нина? — Голос Себастьяна донесся из-за другой двери в коротком тусклом коридоре.

— Да, это я. — Ее голос прозвучал тоненько и пронзительно. Она сделала глубокий вдох. Это было десять лет назад. Сейчас они старше и мудрее.

— Ты опоздала.

Нина вздохнула, закусила губу и распахнула внутреннюю дверь.

Она не сразу увидела его, а целую минуту разглядывала довольно величественную обстановку. Нина знала, что ведет себя трусливо, но ничего не могла с собой поделать: ноги у нее подгибались, как у новорожденного теленка на ферме. Волна тоски по дому нахлынула на нее, желание вернуть время назад, в те дни, когда Себастьян был лучшим другом ее брата.

— Да, это номер люкс. — Сухой голос Себастьяна доносился с дивана перед ней, на котором виднелась его голова.

Нина представляла их первый разговор вовсе не таким, правда, она в принципе с трудом представляла себе, каким он вообще будет.

— Безусловно, — сказала она, используя возможность заняться разглядыванием роскошной комнаты, вместо того чтобы встретиться с пристальным взглядом Себастьяна.

Да, комната поражала своим великолепием, она была в два раза больше ее квартирки в Англии; два дивана один напротив другого, ряд балконных дверей, выходящих на три балкона, громадный телевизор. Мебель под старину вдоль стен по обе стороны двух двойных дверей, ведущих, как она предположила, в спальню.

— И все это для тебя одного.

— У меня хорошие друзья, — сказал Себастьян хриплым и сердитым голосом. — К тому же этот номер ближе всего к лифту.

Наконец она перевела глаза на его тело, лежащее на диване, голова на спальных подушках у подлокотника. Оскорбительно яркий голубой гипс резко контрастировал с бледно-желтым шелком дамастовых диванных подушек.

— Ты выгляди... — Она вовремя остановилась. Сообщение о том, что выглядит он ужасно, вряд ли было бы принято на ура. Внутри нее маленькая дерзкая девчонка, не отличающаяся ни малейшим благородством, кричала во все горло: «Ура! Себастьян Финлей выглядит ужасно. Жутко. Гнусно. Абсолютно непристойно. У его кожи серый оттенок, волосы сальные и прилипли ко лбу, фу. Под глазами фиолетовые тени, на подбородке многодневная щетина. У белой футболки затасканный вид, и ко всему прочему на нем были трусы. Себастьян в трусах». Ее рот скривило. Ей хотелось исполнить один из тех победных

танцев, что исполняют футболисты, когда бегут по полю, задрав футболки на голову.

— Спасибо, — сказал он, иронично предвосхищая конец не досказанного ею предложения. — Извини, что я не встаю.

— Тебе, кажется, неудобно, — сказала Нина, внезапно осознавая, что ведет себя совершенно ненормально, стараясь не смотреть на верхушку гипса, где тот встретился с трусами. Да бога ради, что же это такое с ней происходит.

Он поджал губы, но не подтвердил ее замечание.

— Я это... твои вещи. Принесла их. Куда мне поставить чемодан?

Себастьян закрыл глаза, словно запасался терпением, потом посмотрел на свою ногу.

— Извини, ты хочешь, чтобы я разобрала твои вещи? — сказала Нина.

— Это было бы неплохо, — сказал он с саркастической ноткой в голосе. — Ты принесла мой ноутбук? Зарядку для телефона? Дай мне прежде всего их.

Нина подтащила чемодан ко второму дивану и открыла его.

— Господи, Нина. — Себастьян нахмурился. — Ты зачем все это так затолкала в чемодан? Эти рубашки были свежевыглаженные. А теперь у них такой вид, будто ты ими пол вытирала.

В его словах была правда, ими в некотором смысле и правда вытирался пол, но, прежде чем она успела извиниться или объясниться, он продолжил:

— Если ты будешь раздражаться каждый раз, когда я буду просить тебя о чем-то, что тебе не нравится, то из этого ничего не получится. Мне нужен человек, который будет мне помогать, а не избалованная примадонна, которая выбрасывает свои игрушки из коляски, когда ей

что-то не нравится. Я знал, что совершаю ошибку. — Он закрыл лицо руками.

Нина развернулась, чувствуя, как раздуваются от гнева ноздри. Вероятно, это самая непривлекательная ее черта, но такое случалось с ней, только когда она была по-настоящему зла. А сейчас она была зла как никогда.

— Я ценю твое не особо высокое мнение обо мне, мистер Твоя-сестра-последний-человек-в-мире-которого-я-бы-взял-себе-в-помощники, но я не такая мелочная. Я сделала это не специально. Этот дурацкий чемодан открылся сам собой.

— Во-первых, это замечание никак не предназначалось для твоих ушей, и я приношу извинения, оно было не слишком тактичным. А во-вторых, да, с этим чемоданом такое случается, — пробормотал он, — поэтому я тебя и предупредил, что нужно взять сумку.

— Значит, поскольку это замечание не предназначалось для моих ушей, оно как бы становится нормальным? — сказала Нина. — И я вовсе не уверена, что ты конкретно так и сказал про чемодан.

— Какая еще конкретика тебе нужна, чтобы ты наверхняк взяла кожаную сумку со шкафа? Та, что с... — Выражение его лица ужесточилось, глаза сощурились. — Нина, из этого ничего не получится. Ты вполне можешь прямо сегодня собрать свои вещички и отправляться домой.

Целую минуту она стояла, сжимая и разжимая кулаки, чувствуя себя загнанной в тупик и глупой. Все шло не так, как предполагала. А предполагала она доказать, что прекрасно может обходиться без нянек.

— Послушай, ну, я виновата. Это мой первый день здесь. Я могу взять назад твои рубашки и постирать их. Ну это же не конец света.